

Дружба как практика различения (на примере интеллектуальной среды Екатеринбурга)*

Екатерина Неменко

Кандидат философских наук, ассистент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры
Института социальных и политических наук Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Адрес: ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: hist-nemenko@yandex.ru

В статье рассматриваются специфические проявления дружеских связей в среде современных российских интеллектуалов. Предпринята попытка реконцептуализировать понятие дружбы как социально-эстетический феномен, т. е. как совокупность практик различения, важным критерием которого становятся стиль жизни и социальный вкус. Цель этой реконцептуализации — отделить понятие дружбы от влиятельной теоретической традиции, в которой дружба связывалась с идеей общего блага, социальной интеграции и публичной сферы, и предложить альтернативный взгляд на дружбу как избирательную практику. На материале глубинных интервью с учеными-гуманитариями Екатеринбурга проанализированы такие аспекты дружбы, как практики сближения/дистанцирования, выстраивания и поддержания символических границ, эмоциональной вовлеченности в коммуникацию. Избирательный и эксклюзивный аспект дружбы интеллектуалов почти не артикулируется в дискурсе, но хорошо выражен на уровне повседневных практик. Рассмотренные дружеские связи в интеллектуальной среде различаются по степени открытости/замкнутости и по степени выраженности инструментальной функции/символической функции. Проведенный анализ позволяет поставить под вопрос некритичное использование концепта «сообщества» и представить социальные отношения в интеллектуальной среде по модели дружеских сетей или кругов друзей с более или менее проницаемыми символическими границами, проходящими между разными социальными стилями. Солидарность, возникающая во время коммуникации друзей, является результатом чувственного распознавания «своего» и взаимного признания друзей и не отсылает к общностям более высокого уровня (класс, гендер, профессия и т. д.). В этом контексте дружба может быть понята как критически, т. е. как исключающая практика, так и позитивно, т. е. как источник уникального блага, которое носит принципиально антидемократический характер и не может быть сведено к идее общего блага или социальной полезности.

Ключевые слова: дружба, габитус, социология интеллектуалов, признание, солидарность, различение, социальная эстетика, социальный вкус

Понятие дружбы в социальных науках и философии обычно связывается с античной традицией, идущей от Аристотеля, для которого дружба была в первую очередь публичной добродетелью и благом для полиса. В современной политической

© Неменко Е. П., 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-66-86

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук МК-8742.2016.6.

философии получила развитие его идея о связи дружбы и гражданской справедливости, при этом последняя большинством теоретиков понимается в демократическом ключе, т. е. как идеал равенства человеческой природы (например, у Дж. Ролза). Другая влиятельная традиция — социология и социальная теория XX века (прежде всего Э. Дюркгейм) — видела в дружбе зачатки органической солидарности, которая выступает моральным основанием общественного разделения труда и социального порядка в целом. В российских социальных науках, травмированных репрессивным советским прошлым, по-прежнему сохраняется такая исследовательская оптика, сквозь которую все социальные процессы видятся хрупкими и несамостоятельными, находящимися под постоянной угрозой государственного насилия и нуждающимися в сплочении и опеке. Дружба в таком контексте представляется ресурсом доверия и взаимопомощи для мирной социальной интеграции: «Поэтому принципы дружбы могут и должны использоваться для трансформации негражданского общества в гражданское» (Хархордин, 2009: 18).

Сторонники этих подходов критично относятся к тому факту, что в современных обществах дружба оказалась за рамками публичной сферы в области личной жизни индивидов и стала приватным отношением. Но в целом дружба — дело хорошее, ее только нужно вернуть в публичную сферу или расширить до общностей более высокого уровня, чтобы она из эгоистичного межличностного общения превратилась в моральную ценность и служила общему благу. Представляется, что, принимая некритично эту нормативную установку, мы рискуем не заметить сложность происходящих процессов и недооценить вездесущность и усиливающуюся значимость «приватного социального»: с появлением социальных сетей «частные» социальные отношения постепенно становятся нормативным горизонтом, занимая место публичного и вытесняя идею общего блага из актуального повседневного опыта и публичного дискурса.

В статье исследуется аспект современной дружбы, который редко попадает на «верхние этажи» социальной теории, а именно эксклюзивный характер дружеских связей, в основании которого лежат практики различения «своих» и «чужих», сближения/дистанцирования, другими словами, проявления *социального вкуса*. В качестве объекта исследования отношений дружбы выбраны современные интеллектуалы-гуманитарии Екатеринбурга. Следуя за традицией французской социологии интеллектуалов (К. Шарль, Ж. Сапиро, Ф. Матонти¹), мы рассматриваем интеллектуалов как профессиональных производителей культурного или интеллектуального продукта, которые отличаются от своих коллег активной вовлеченностью в публичное пространство. Все наши информанты имеют официальный статус университетских преподавателей и при этом активно участвуют в городских культурных проектах. По нашей гипотезе, именно в этой среде наиболее отчетливо выражено напряжение между публичным уровнем дискурса, в котором легитимной является отсылка к общему благу, и практическим индивидуализмом

1. См. об этом: Сапиро, 2011: 97–126; Шарль, 2005; Matonti, 2001.

на уровне дружеских и профессиональных отношений. Среда интеллектуалов представляет привилегированный объект для исследования практик различения, так как интеллектуалы традиционно оказывались в центре коллизии «коллективизм/индивидуализм»: поле культурного производства всегда было пронизано множеством альтернативных недемократических принципов иерархии, которые во многом основывались на дружеских и других неформальных связях по причине относительно слабой институционализации творческих профессий и отсутствия формальных критериев успеха.

Теоретическая рамка исследования

В работах, посвященных локальным академическим сообществам, М.Сафонова и М.Соколов, используя теорию организаций и структурно-сетевой анализ, убедительно показали, как устроена структура сети современного социологического сообщества Санкт-Петербурга и объяснили, почему сети не превращаются в теоретические группировки (Сафонова, 2012; Соколов, 2012). В более поздних статьях по социологии академического мира Соколов выдвинул любопытную гипотезу о том, что социологи в своем научном поиске отдают предпочтение тем теориям, которые позволяют генерировать смысл академической жизни своих производителей, т. е. поддерживать веру в себя как настоящих ученых (Соколов, 2015). Однако объективная структура социальных сетей социологов Санкт-Петербурга ничего не говорит о том, почему ученые делают выбор в пользу того или иного общества, пополняют ряды «туземной» или «провинциальной» науки (учитывая, что расстояние между ними нередко составляет «две станции метро»). Свои интерактивные ритуалы, авторитеты и символический капитал есть у каждой стороны, но это не объясняет, почему то, что является символическим капиталом и производит смысл академической жизни для одних, оставляет равнодушными других.

Между двумя этими крайними полюсами интерпретации (структуралистской социологией и экзистенциальной философией) располагаются промежуточные теории «среднего звена», которые исследуют типы социальных связей, имеющие выраженный «субъективный» характер. Межличностные отношения, основанные на предпочтении или склонности, близки к понятиям «нравы», «склад», «характер». В социальной теории эти понятия получили развитие, в частности, в концепции «габитуса» Пьера Бурдьё. «Габитус» у Бурдьё, трактуемый как «структурирующая структура» (Бурдьё, 2005) (т. е. ансамбль практических схем, порождающих практики и организующих восприятие социального мира и в то же время являющихся продуктом инкорпорации существующих социальных отношений), работает для понимания выбора интеллектуалов в пользу того или иного профессионального сообщества, но лишь в том случае, если мы заранее представляем общество как структуру классов. На наш взгляд, теоретический аппарат Бурдьё слишком поспешно обращает внимание исследователя на социальные отношения, которые скрываются за «свободным выбором» индивида: «Эстетические представления

и вкусы не являются чем-то «сакральным» или результатом свободного выбора индивида, но вытекают из его социальных условий социализации и наличного положения в обществе» (Шматко, 2009). При этом сближение индивидов, которые обладают схожими габитусами и общими интересами «объясняется... просто: любой интерес есть позиционный интерес, т. е. интерес, неразрывно связанный с позицией в поле, которую всегда занимает более или менее многочисленная популяция агентов» (Там же).

Нас интересует не описание уже сложившихся «сообществ» интеллектуалов, а тот уровень социального существования субъекта, который предшествует складыванию его идентичности как члена той или иной группы. Именно этот момент чаще всего пропускается в рефлексии как самих социальных акторов, так и исследователей, поскольку воспринимается теми и другими как естественный и непроблематичный, а социальный мир, как уже сложившийся именно в такую конфигурацию сил и отношений. Однако наши интервью показывают, что многие формы общения и социальных контактов в современной интеллектуальной среде практикуются и задействуются в производстве культурного продукта, так и не достигая уровня оформленной групповой идентичности.

Для понимания происходящих процессов более любопытной представляется концепция социальной эстетики, развиваемая итальянским философом Барбарой Карневали. Под социальной эстетикой она понимает область знания, чей предмет — чувственные проявления социального. Общество — это в первую очередь эстетический феномен: все социальные отношения даны нам чувственно и, следовательно, эстетически. В область социальной эстетики попадают многие концепты социальных наук, которые также входят в лексикон эстетики: вкус, стиль, репрезентация, ритуал, престиж, харизма, различие, мода, манеры. У перечисленных феноменов по меньшей мере две общие фундаментальные характеристики: они принадлежат к социальному пространству, проявляют себя и воспринимаются публично посредством органов чувств; и они могут трансформироваться, ими можно управлять при помощи специальных техник (Carnevali, 2013: 30). В отличие от теории Бурдьё, концепция социальной эстетики предполагает, что эстетическое лежит в основании первичных социальных связей и предшествует делению общества на классы или любые другие общности.

Эта концепция может показаться наивной с точки зрения критической теории, поскольку, как кажется, она игнорирует такие важные для социальной критики категории, как класс, гендер, господство, идентичность. Однако на самом деле, поясняет Карневали, эстетическое измерение социального не исключает отношений власти. Наоборот, социальная эстетика позволяет увидеть и включить в фокус внимания критической теории плохо различимые или невидимые механизмы господства, укорененные в динамике «социального эстетического», там, где их пропускает демократическая критика неравенства. Например, существование практик различения в стиле одежды, которые воспринимаются как абсолютно легитимные и «естественные», позволяет отличать «своих» от «чужих» и прово-

дить символические границы в тех сообществах, которые формально являются открытыми и общедоступными. Более того, механизмы символического господства настолько действенные, что, как правило, даже не требуют принуждения для того, чтобы осуществляться. Зачастую они действуют имплицитно как «чувство собственного места», удерживая индивида от нежелательных социальных притязаний. Многочисленные примеры реализации властных отношений на уровне социальной эстетики описаны в работах И. Гоффмана, П. Бурдьё, А. Хоннета.

При исследовании практик совместности интеллектуалов сквозь призму социальной эстетики в наше поле зрения попадают такие трудноразличимые, концептуально не прояснённые, действующие на уровне чувственного восприятия феномены структурирования социального пространства, как стиль, габитус, социальный вкус, харизма.

Дружба вместо сообщества?

К какой группе мы отсылаем, когда говорим о габитусе или социальных вкусах интеллектуального «сообщества»? То, что можно назвать «университетским сообществом», представляет собой конгломерат сетей, групп и отдельных агентов, которые обладают разной степенью солидарности с идеей и реалиями университета. Из-за значительных изменений в структуре управления, жёсткого разделения на администрацию и профессорско-преподавательский состав в последние годы все меньше ученых говорят о своей приверженности университетскому сообществу. С какой же общностью соотносят себя ученые-гуманитарии, если не с университетским сообществом?

Концепция «научного сообщества» также представляется неудовлетворительной. Как показывает Г. Юдин, принадлежность ученых к «научному сообществу» проблематична, поскольку вступает в противоречие с установкой научного этоса на критическое мышление и преодоление собственных убеждений: «Вера в принадлежность к реальному научному сообществу несовместима с критическим преодолением существующих (ортодоксальных) убеждений... Разрыв с существующими убеждениями создает рефлексивный опыт — опыт отсутствия сообщества. Такой опыт движим не стремлением к асимптоматическому приближению сообщества к истине, но стремлением обрести собственную истину в самопреодолении» (Юдин, 2010: 81-82). Действительно, в отличие от многих других локальных и профессиональных сообществ, интеллектуальные и художественные сообщества намного более фрагментированы, не образуют устойчивых групп с однозначными программами и целями, а представляют собой более рыхлый тип совместности. Г. Юдин напоминает, что понятие «научное сообщество» вошло в оборот философии науки лишь в середине XX века и использовалось для описания и отстаивания механизмов самоорганизации в среде ученых. Как и понятие «солидарность», «сообщество» появилось и долгое время существовало в русле *социалистического* подхода к обществу (Филиппов, 2011: 6).

«Левый» теоретический дискурс хорошо описывает ситуацию политизации поля культурного производства, наблюдаемую в России и Европе в первой половине XX века (Sapiro, 1999, 2002), когда интеллектуалы вступали в политические партии, создавали группы, выпускали манифесты, в которых четко обозначали художественные, теоретические и социально-политические задачи своих объединений. Излюбленной метафорой этого дискурса была «борьба», а понятия «сообщество» и «солидарность» описывали единодушие и сплоченность, возникающие вокруг ценностей группы в политической борьбе. В ходе нашего анализа стало понятно, что современные интеллектуальные сообщества устроены иначе, им также присущи конфликты и совместность, но они не всегда могут быть описаны в терминах политической борьбы, сообщества и солидарности. Как справедливо замечает В. Вахштайн, смысл — не «выигрыш», а «входной билет» в мир действия, идентичность — не предпосылка, а «выигрыш»: «Никто из нас не обладает „социологической идентичностью“ и не включен ни в какое „социологическое сообщество“» (Вахштайн, 2015: 77–78).

Специфика практик совместности интеллектуалов заключается в их не всегда явном сопротивлении давлению коллектива и в конечном счете в индивидуализме². Платой за солидарность являются обязательства перед коллективом, ответственность за целостность системы и признание того, что «есть действия, которые согласуются с целостностью системы, а есть действия, которые ей угрожают, а потому подвергаются санкциям коллектива» (Филиппов, 2011: 7). Критическое мышление и регулярный пересмотр убеждений не способствуют сплочению коллектива и постоянно угрожают коллективной идентичности. В основании солидарности — идея о том, «чтобы люди поддерживали друг друга, объединяясь против рисков и неопределенности своего существования всеми силами человеческой ассоциации» (Филиппов, 2011: 6). Как мы увидим из последующего анализа, это не тот тип объединения, который поддерживает отношения между интеллектуалами.

По этой же причине в исследованиях интеллектуалов немного объясняет популярный в последнее время в российской социологии подход к изучению «неформальных» и «теневых» отношений как версии патрон-клиентских связей. Социологи, работающие в этом направлении, указывают, что доверие, которое лежит в основании этих связей, — один из способов снижения социальной сложности, источник надежности в мире рисков и нестабильности. Однако наше исследование показывает, что, несмотря на усиливающуюся неопределенность и распад корпоративных университетских структур, интеллектуалы в меньшей степени склонны поддерживать неформальные отношения с целью снижения социальных рисков, чем другие группы. Замкнутые отношения «своих», которые описывают

2. Речь идет об автономном полюсе поля культурного производства. В данной статье мы сосредоточим внимание на том сегменте интеллектуального сообщества, который М. Соколов и К. Титаев (Соколов, Титаев, 2013) назвали «провинциальной наукой», понимая под этим тех ученых, которые привержены идеалу автономного научного знания и ориентируются на «продвинутое» западные образцы.

в исследованиях постсоветского человека Л. Гудков и Б. Дубин, строятся на «принуждении индивида к самым простым и грубым отношениям традиционного господства и подчинения», после чего, если индивид демонстрирует свою лояльность этим отношениям, он считается «своим» и допускается к использованию ресурса: «Теперь он может показать свое владение специальными знаниями и навыками, сослаться на нужное знакомство, использовать деньги и т. п., т. е. ему дается право в заданных узких и контролируемых извне границах вести себя как „свой человек“» (Гудков, Дубин, 2002: 36–37). Очевидно, что такой терминологический аппарат плохо применим для понимания социальных связей в интеллектуальной среде.

Понятия «дружеские сети» и «круг друзей» представляются продуктивной альтернативой концепциям сообщества и неформальных связей в исследовании интеллектуалов. В отличие от патрон-клиентских отношений, дружба — это всегда отношения между равными. Это не аскрептивный и не принудительный вид связи, дружба предполагает симметрию и избирательность. Габитус наилучшим образом проявляется в дружеских связях как таком типе отношений, в которые индивид вовлечен не только логикой своей структурной позиции, но своими «субъективными» предпочтениями. Такие формы общения, как круг друзей и дружеские сети, не предполагают заранее определенной идентичности, критерии проведения их границ неясны. Дружеские связи характеризуются не только доверием как некоторым гарантом доброжелательного отношения и снижения социальных рисков, но в первую очередь позитивной расположенностью друзей по отношению друг к другу, тем, что Аристотель называет «приязнью». Специфика дружбы, как ее определяет Аристотель, заключается в том, что дружат люди, «подобные друг другу по добродетели», т. е. с близкими «складами души» или «нравами»: «Дружба людей достойных — это их взаимная любовь [antiphilosin] друг к другу. Они любят друг друга как вызывающие к себе любовь, а любовь они вызывают тем, что [хороши]» (Аристотель, 1984: 363). Иными словами, в структуру дружеских связей встроен компонент взаимной симпатии, чистой солидарности, основанной на близости нравов тех, кто дружит. Люди дружат, потому что они приятны друг другу, а *следствием этого взаимного расположения* могут быть взаимопомощь, моральная и материальная поддержка и другие проявления дружбы.

Однако у дружбы есть и обратная сторона: она включает тех, кто приятен и близок, и исключает всех остальных. Дружба — это принципиально антидемократический тип связи, поскольку друзья *отдают предпочтение* друг другу, выделяют друг друга из толпы. Этот аспект дружбы проявляется во влиятельности «своего круга», окружающего себя тайной, субкодом, ритуалами. Как продемонстрировали авторы коллективной монографии «Дружба: очерки по теории практик» (Хархордин, 2009), установление границ дружеского круга очень важно, потому что чаще всего не отдельные друзья, а именно их круг оказывается самодостаточным персонажем, главным фактором формирования личности («практики делания себя через других»). Поскольку круг друзей — это одна из самых интим-

ных форм социальных связей, критерий селекции «своих» никак не проговаривается и носит субъективный характер, он остается практически неуязвим для демократической критики неравенства.

Любопытно, что в аристократической дружбе в Европе раннего Нового времени важным стал аспект эмоциональной вовлеченности и физической привлекательности, что приводило к тому, что дружба иногда смешивалась с любовью: «У некоторых людей есть способность, что бы они ни делали, быть привлекательными в глазах всякого, кто смотрит на них. Как и любовь, дружба начиналась с визуального удовольствия» (Dewald, 1993: 111). Историк Дж. Деваль отмечает, что в XVII веке с усилением социальных контактов знати и городского сословия компонент физической привлекательности стал важным фактором дружеского сближения: «Привлекательность служила символом социального положения». Романисты того времени видели в дружбе страсть, которую понимали как то, что начинается с возбуждения органов чувств: «Страсть — это одно из волнений души, которое возникает, пробужденное каким-либо объектом, данным нам чувственно» (Dewald, 1993: 112). Хотя в дружбе важным был элемент прагматики и взаимопомощи, происхождение дружбы, как и любви, авторы того времени связывали с «физическим внутренним волнением» (physical inner agitation).

Нам представляется, что «круг друзей» как единица анализа важен еще и потому, что выполняет функцию различения, т. е. позволяет индивиду отличаться от других, оставаясь при этом социализированным, включенным в микрообщество. Круг друзей негласно подтверждает социальную ценность своих членов и их значимость по сравнению с теми, кто в круг не входит. Не обладая четкой групповой идентичностью, «свой круг» тем не менее очень избирателен и, вероятно, чувство избранности, ценности и признания, которое друзья могут получить внутри «своего круга», является мощным социальным ресурсом. Наше предыдущее исследование социального устройства художественной среды Екатеринбурга показало, что активным агентом художественной среды является не друг, а круг друзей. Действия индивида успешны настолько, насколько они вписаны в сеть действий других друзей. Художественная среда сформировала свои виды коммуникации, специфические формы объединения, критерии доверия, выработала способы достижения творческих целей различными совместными культурными практиками (Круглова, Неменко, 2013).

Известные нам зарубежные социологические исследования дружбы интеллектуалов указывают на солидарность как важный творческий ресурс, возникающий внутри дружеского круга. Р. Коллинз в «Социологии философий» (Коллинз, 2002) рассматривает цепочки интерактивных ритуалов, в которые вступают интеллектуалы, как точки аккумуляции «эмоциональной энергии», необходимой для индивидуального творчества. Подключенные к успешным интерактивным ритуалам с высоким уровнем солидарности интеллектуалы генерируют мощные потоки эмоциональной энергии, которые выражаются в высокой творческой продуктивности. Однако Коллинз не считает дружбу привилегированным типом связи,

единицей анализа у него являются любые цепочки социальных взаимодействий. Все они потенциально могут вырабатывать солидарность и наращивать эмоциональную энергию индивида. М. Фаррелл в работе «Collaborative Circles: Friendship Dynamics and Creative Work» (Farrell, 2001) делает акцент на солидарности, возникающей внутри дружеского круга интеллектуалов. Он проанализировал условия появления, роста и распада нескольких успешных «кругов сотрудничества друзей» на примере круга импрессионистов, круга основателей психоанализа и др. «Моральные ресурсы» аккумулируются в ходе длительных устойчивых социальных взаимодействий и складываются в благоприятную социальную среду, которая поддерживает креативность членов дружеского круга. Фаррелл вводит понятие «инструментальная близость» (instrumental intimacy), с помощью которого пытается показать, что дружеский круг — это прагматически ориентированный тип совместности. При этом термин «близость» (intimacy) указывает на такой тип обмена, который основан на взаимопомощи, доверии и искренней заинтересованности друзей в успехе друг друга.

В нашем исследовании мы предлагаем реконцептуализировать понятие дружбы, исходя из того, что солидарность является следствием, а не основанием дружеской связи. Гипотеза, которую мы хотим проверить, состоит в том, что первичным импульсом к выстраиванию дружеских связей в интеллектуальной среде выступает взаимная расположенность, или «настроенность» (attunement), социальных акторов по отношению друг к другу, которая является выражением их социального вкуса и в основании которой лежат практики различения. Дружба может быть рассмотрена как социально-эстетический феномен, т. е. как совокупность практик сближения/дистанцирования, выстраивания и поддержания символических границ и эмоциональной вовлеченности в коммуникацию.

Габитус дружбы интеллектуалов: анализ интервью

В июне—августе 2016 года мы провели 8 полуструктурированных интервью длительностью 90 мин с теми интеллектуалами Екатеринбурга, которые, оставаясь преподавателями университета, активно профессионально реализуются в городских культурных проектах и сообществах. По нашей гипотезе, именно этот сегмент интеллектуального поля города должен быть наиболее репрезентативен для исследования дружеских связей, так как структурирующая роль университета в этой среде очень слаба. Сами информанты своей основной профессиональной идентичностью считают научную и преподавательскую деятельность (за исключением двух из них, которые предпочитают называть себя «общественно-политическими деятелями»). Все информанты — четыре женщины и четыре мужчины в возрасте от 35 до 63 лет являются представителями гуманитарных специальностей и преподавателями гуманитарных факультетов (из них два доктора философских наук, четыре кандидата философских наук, один кандидат политических наук и один кандидат социологических наук). Двое из них преподают гуманитарные дисциплины также на негуманитарных факультетах. Информанты рекрутирова-

лись через сеть личных контактов исследователя, пятеро были знакомы с исследователем на момент взятия интервью.

Гайд интервью состоял из нескольких блоков: 1) структура социального окружения (семья, близкие друзья, коллеги, знакомые); 2) практики сближения/дистанцирования; 3) открытость/закрытость дружеского круга и критерии определения своего/чужого; 4) интенсивность контактов и интерактивные ритуалы. Для удобства интерпретации мы сгруппировали материалы интервью в две центральные темы: практики сближения/дистанцирования; критерии проведения символических границ. Вопросы строились таким образом, чтобы дать возможность информанту максимально полно описать свои социальные взаимодействия, делая акцент на дружеских, профессиональных и «пограничных» контактах.

Практики сближения/дистанцирования

Об особой значимости дружеских контактов для реализации профессиональных целей в интеллектуальной среде говорит тот факт, что все информанты отмечают наложение или почти полное совпадение в структуре их окружения категорий «дружеские связи» и «коллеги». В некоторых случаях нет жесткой границы между семьей и профессиональной сферой, члены семьи оказываются ближайшими единомышленниками, а личное пространство квартиры часто становится также местом встреч с друзьями-коллегами.

Мой муж — и коллега, и соавтор, и партнер. Это очень близкое общение, и профессиональное в том числе. Поэтому наш дом — это не только место, где мы встречаемся по семейным поводам, но и где мы обсуждаем профессиональные вопросы.

Внутри большого неоднородного круга друзей-приятелей-коллег информанты выделяют узкий круг близких друзей, куда также входят друзья со времен студенчества и аспирантуры, иногда работающие в других сферах (бизнеса, политики, СМИ и др.). Общение с самыми близкими друзьями — как правило, на «человеческие» темы, от такого общения в первую очередь ожидаются понимание и доброжелательность. Частота контактов с близкими друзьями может варьироваться от нескольких раз в неделю до нескольких раз в год. У тех, чье ближайшее окружение тесно связано с профессиональными интересами, интенсивность контактов с близкими друзьями намного выше. Двое из восьми информантов, которые назвали среди ближайшего окружения людей из других профессиональных сфер, встречаются с близкими друзьями значительно реже (до нескольких раз в год). Таким образом, наиболее интенсивными и значимыми являются контакты, находящиеся на границе дружеских и профессиональных связей.

Коммуникация в среде университетских коллег воспринимается как рутинная и эмоционально слабо насыщенная. Об этом говорит дистанцированное отношение к неформальным собраниям коллектива по символическим поводам. Коллек-

тивных ритуалов в университете и на кафедрах мало, и информанты не считают их значимыми для своей профессиональной идентичности мероприятиями. Все опрошенные подчеркивают формальный характер университетских ритуалов и стремятся по возможности их избегать.

Будем честны, мы отработали и пошли домой. Максимум, что мы можем вместе сделать, это заседание кафедры и что-нибудь на Новый год.

Неформальная коммуникация в университете не связывается с профессиональной самореализацией и воспринимается как малосодержательная, часто бесполезная с точки зрения достижения профессиональных целей:

Особенно если это, как правило, университетская тусовка: сидеть и в очередной раз перемывать косточки всем, кто в университете? Время жалко, честно. Поговорить про какие-то серьезные внешние проблемы, оказывается, чаще всего малореалистично.

Внутри научного сообщества есть круги, от которых информанты сознательно дистанцируются. Так, например, замкнутое сообщество «ортодоксальных» религиоведов вызывает отторжение и неприязнь:

Близкое мне сообщество религиоведов — ужасное сообщество, потому что там непрерывно происходят споры о том, кто правильный религиовед, а кто неправильный. ...Всё, что не относится к религиоведению, их вообще не интересует. В этом смысле это какая-то просто фантастическая среда... Я к этому ко всему отношусь с ужасом.

Также информанты фиксируют научные круги, от которых они дистанцируются по причине чуждой идеологической и методологической позиции. «Чужие круги» описываются как «чудовищные», «враждебные»:

Мы посидели на этом [мероприятии]... Я почувствовал... Я сделал некий антропологический срез, что это за люди, как на них посмотреть, и, естественно, мы ушли, потому что это очевидно враждебно... Ну как враждебно — чужое... Радикально другую научную, или политическую, или идеологическую позицию занимаешь, с какой-нибудь чудовищной методологией или еще что-то.

Во время ритуального взаимодействия в академической среде на таких мероприятиях, как конференции или кофе-брейки, могут возникать и противоположные ситуации, когда информанты чувствовали, что от них дистанцируются или пытаются «держаться на расстоянии», не пускать в какой-то «круг»:

Там банкет. Стоит группа людей, она меня подводит к этому кругу людей и говорит: «Вот, это X, он так хорошо пишет про это». И в этот момент она

поворачивается. И все так сквозь меня проходят мимо в этот момент. Я не знаю почему. Я, видимо, выглядел не так, еще что-то. Она меня вводит в круг этих людей, но я оказываюсь просто-напросто исключением. Механизм такого исключения — я настолько резко это почувствовал.

Сближение у наших информантов происходит с теми университетскими коллегами, которые также дистанцируются или критически относятся к официальной университетской иерархии и административным структурам. Однако почти у всех более интенсивные дружеско-профессиональные контакты завязываются вне университетской среды. Сближение с новыми городскими сообществами может начинаться с визуальных контактов и регулярного посещения значимых мероприятий:

Тогда был узкий круг революционеров от искусства, которые могли общаться, говорить, это было такое визуальное знакомство, что вот я там, я свой, мы всегда здоровались, общались, где-то на выставке друг другу сообщали, что будет выставка, вернисаж...

Вход в эти сообщества за пределами университета требует определенной «перестройки», новой «подачи себя»:

Они [сообщества] все как раз закрыты практически. Поэтому да, каждый раз надо искать способ, как вломиться в ту сферу, в те группы, чтобы... Я для себя же тоже эту проблему решаю, поэтому я каждый раз стараюсь найти подход... Каждый раз надо действительно определенным образом себя перестраивать, подавать себя и находить этот ключ, через который заход на площадку, куда можно было бы, где можно было бы себя реализовать.

Проекты, в которых информанты участвуют за пределами университета, характеризуют эмоциональная вовлеченность и интенсивность коммуникации. Все описывают позитивный опыт включенности в дружеские сети как переживание эмоционального и творческого подъема, признания значимости своей деятельности:

Я получаю невероятное удовольствие, когда в зале есть мои знакомые и друзья — это, конечно, самая главная движущая сила. Поделиться чем-то... Я испытываю какую-то смешную наркотическую зависимость: мне надо, чтобы мои друзья и знакомые тоже это видели и вместе сопереживали.

Дружеское общение за пределами университета также переживается как более аутентичное, способствующее творческому самовыражению:

Поэтому ощущение, что тут такая бурная жизнь пошла... Она просто стала очень бурной. Поэтому ты себя ощущаешь... У тебя драйв появляется с этим... Ты видишь, что люди на это реагируют, что это активно... Я просто ощущаю себя как такой... Юность комсомольская моя, вот она тут.

Критерии проведения символических границ дружеского круга

На вопрос о «своем круге» только двое информантов ответили, что такой круг есть, встречи носят регулярный и отчасти ритуальный характер, однако для обоих это не единственный круг, а потому, хоть они и чувствуют себя в нем «своими», они не идентифицируют себя полностью с этим кругом. Таким образом, в исследовании интеллектуальной среды нам не удалось выявить устойчивого дискурса «своего круга», с которым бы опрошенные идентифицировали себя полностью. Самые близкие дружеские связи не образуют «своего круга» или «компании», часто близкие друзья принадлежат к разным сферам деятельности и редко встречаются вместе.

Наиболее активно интеллектуалы-гуманитарии встроены в художественную и общественно-политическую среды города. В свою очередь, внутри этих сред информанты выделяют следующие круги: круг современного искусства, круг урбанистов и архитекторов, круг театральной критики, круг политтехнологов и журналистов. Несколько информантов активно участвуют в жизни религиозных общин, сообщества бизнес-тренеров и правозащитных организаций. Информанты описывают «круги» за пределами университета как более или менее эксклюзивные сообщества, построенные на полудружеских-полупрофессиональных связях, с особыми критериями деления на «своих» и «чужих». Они отмечают наличие ощутимых символических границ этих сообществ, которые проявляются в особом языке и признаваемой всеми «инсайдерами» системе авторитетов:

...это был совершенно птичий язык, совершенно непонятные имена, которыми они пользуются, какие-то авторитеты, о которых я в жизни не слыхивал. И при этом это все обязаны знать. Если ты не знаешь, то ты точно не из этого круга.

У некоторых информантов есть опыт столкновения с узким закрытым кругом, в который с точки зрения профессиональных интересов было бы желательно попасть, но этого не происходило. Сами информанты не могут объяснить причину этого, поскольку никаких формальных границ и условий «входа» нет.

...есть в принципе мой приятель, но у него есть своя команда, и вот это, пожалуй, единственная вещь, чего бы мне хотелось, но меня там нет. Я в эту тусовку не вхожу. Притом что мы хорошо знакомы, X еще в студенчестве дружил с моим мужем, но как бы вот. Опять-таки: так случилось. Я не знаю почему. Это единственное такое сообщество, где я чувствую, когда там оказываюсь, что я там девочка чужая.

Любопытно, что, будучи таким по формальным «показателям», как образование, опыт, профессиональные интересы, равным людям из «этой тусовки», человек все

равно туда не попадает. Это говорит о том, что в слабо институционализированных сообществах с горизонтальной структурой действуют какие-то дополнительные принципы различения «своих/чужих».

Двое информантов рассказали о том, что сами входят в закрытый «женский клуб» из шести человек, который совмещает роли профессионального сообщества и узкого дружеского круга.

Мы шутливо называем это «женский клуб», нас 6 человек... Вот мы закрыты. Это не значит, что мы совсем закрыты, если появится человек, и мы почувствуем, что он «наш», то мы с удовольствием его возьмем. Есть люди, которые хотели бы и прямо выражают свое желание войти туда, но... [этого не происходит].

Информант затрудняется объяснить, как именно они узнают, что «человек свой». Решение принимается «коллегиально» и всем «понятно без слов».

Да, а как тут определишь. Есть люди, которые всем нам интересны и приятны, это одна ситуация. А когда как-то так, кому-то да, кому-то нет... У нас нет договоренности об этом, но это само собой разумеется. Если все «за», то да, а если кто-то не очень хочет, то как бы не обсуждается. ...Но это действительно такой эзотерический принцип симпатии к человеку. И, наверное, в профессиональном отношении тоже... Поскольку мы не рефлекслируем по этому поводу, это как-то сразу понятно бывает. Даже как-то не обсуждается.

В этих неопределенных признаках распознавания «своих» можно увидеть элементы «габитуса» Бурдьё или того, что И. Гоффман называл символами классового статуса, которые «обозначают не специфический источник статуса, а скорее нечто, основанное на конфигурации источников» (Гоффман, 2003: 44–45), а потому с трудом поддающееся определению. Так, образование, хобби или эстетические вкусы являются символами классового статуса, которые трудно дифференцировать, они проявляются совокупно в стиле индивида. Добавим, что, поскольку речь идет о дружеских отношениях, понятия габитуса или классового статуса представляются недостаточными. Очевидно, что речь идет о некоторых личностных свойствах индивида, которые за неимением лучшего социологического аппарата можно назвать веберовским термином «харизма». Под «харизмой» мы понимаем способность располагать к себе во время коммуникации (что, безусловно, отличается от веберовского понимания). За этой способностью могут стоять какие-то особые свойства характера или аристотелевская «добродетель», но для нас важно, что харизма, или обаяние друга, проявляется чувственно в процессе взаимодействия лицом к лицу и поддерживает эмоциональную вовлеченность в коммуникацию, располагает друзей к общению. В «своем круге» задействованы те аспекты «обаяния» друзей, которые позволяют ощущать этот круг как общий для друзей, но в то же время уникальный, «резонирующий» именно с их интересами:

Наверное, это не отрефлексировано совершенно... В чем-то мы близки, в чем-то не близки... Чем-то они мне интересны... ну не знаю, по каким-то своим духовным, душевным качествам в каком-то резонансе со мной находящиеся. Так я бы сказала. На самом деле, наверное, люди, которые мне чем-то интересны, они могут быть не похожи на меня, но всё равно какой-то общий тренд такой... в интересах, он каким-то образом совпадает. Частично, полностью, наполовину, не знаю, как...

Если аспект «общности» интересов, вкусов, «языка» (легкость общения, взаимопонимание) друзей выраженно артикулируется, об этом говорят свободно и с удовольствием, то чувство особости и избранности, которые друзья дарят друг другу, почти не проговаривается. При этом на практическом уровне такие практики совместности, которые символически подчеркивают избранность друзей и взаимное признание друг друга, важны для информантов. При описании своего круга или тех кругов, в которые желательно было бы попасть, все они избегали употребления таких определений, как «престижный» или «особый». Вот один из немногих примеров, когда информант прямо говорит об элитарности круга, к которому он принадлежит:

Я оказалась в этой академической среде, но у меня все равно есть еще некий круг, причем такой нехилый классный совершенно круг, очень известных людей — и это праздник. И я думаю: «Господи, как вообще это все захватывающе на самом деле».

Другой тип объединения представляет круг урбанистов и исследователей архитектуры. Если закрытый клуб театралов вполне может себе позволить включать только тех, кого захочет, без объяснения причин (именно потому, что позиционирует себя как дружеский круг и поэтому не подпадает под демократические санкции за элитарность), то круг урбанистов представляет собой полуформальное профессиональное сообщество и потому носит более демократичный характер. Однако он тоже в основном состоит из дружеских групп, которые пришли туда для реализации своих профессиональных целей. И даже если просто не принять желающих присоединиться к этому кругу по критерию «наш/не наш» невозможно, члены круга используют аргументацию более «высокого» уровня, чтобы оправдать поддержание дистанции с новыми участниками:

Вот появились новые игроки, на них тут же старая команда навесила [ярлык], что вот они профанируют тему конструктивизма.

...все индивидуалисты очень сильные. Их объединяют какие-то точечные проекты. Как только возникает, например, неделя конструктивизма, вот они начнут туда подтягиваться. Но они туда начнут подтягиваться в каком формате? Они будут еще узнавать: а вот этот будет или не будет? А если этот будет, то я не буду в этом участвовать... Поэтому как только появляются какие-то новые люди с какими-то своими подходами, это вызывает реакцию отторжения, конфликта, нежелания пересекаться, навешивания ярлыков.

Чем более закрытый характер имеет «круг», тем большим количеством символических интерактивных ритуалов он себя окружает. Интенсивность общения в таких кругах относительно устойчива и не обязательно связана с реализацией общих проектов. Так, «женский театральный круг» собирается регулярно, поводом становятся события личной и профессиональной жизни участниц круга.

Мы в каком-то постоянном контакте, это может быть три раза в неделю, может быть три раза в месяц, но все равно ощущение, что если у кого-то что-то произошло новое, всегда в первую очередь мы друг другу скажем и так далее. Иногда вдвоем встречаемся, чаще — троим. А расширенный круг — тоже, конечно, по-разному, регулярных встреч нет, может быть, раз в два месяца в среднем.

Переплетение личных и профессиональных тем для разговора подчеркивает некоторую вторичность профессиональных интересов по отношению к личности друга, независимо от его текущих проектов. Эта форма дружбы больше всего похожа на описанный в монографии под ред. О. Хархордина «круг своих», чья функция — быть ареной для становления личности, свидетельствования друзьями ее жизненной истории, «практик делания себя через других».

Более открытая сеть урбанистов и архитекторов имеет выраженный инструментальный характер и подчинена динамике проектной деятельности. Если друзья вовлечены в совместный проект, интенсивность дружеско-профессиональных коммуникаций резко возрастает в период реализации проекта:

Если мы говорим о среде, то у нас сейчас суперинтенсивная связь, понятное дело, с Х, надо сказать, потому что мы все время участвуем в общих проектах... На этом фоне она из семьи ушла, но это я так, виртуально говорю, из семьи ушла, у них там тоже какие-то такие... Сюда погружена, во все это. Мы-то в этом полной семьей участвуем, но все равно такая интенсивность. Встречаемся почти ежедневно.

В отличие от информантов, встроенных в художественное сообщество, те информанты, которые участвуют в общественно-политической жизни и сообществе бизнес-тренеров, не отмечают такого тесного переплетения дружеских и профессиональных контактов. Они говорят о преобладании делового «взаимовыгодно-го» общения в своей профессиональной среде, которое, как правило, не приводит к созданию близких дружеских связей:

Есть скорее контакты, нежели дружеские связи. Их нельзя назвать совсем дружескими, но это хорошие друзья и знакомые, с которыми легко общаться. Даже мы с Вами встретились, и у нас нет времени переброситься словами, не относящимися к делу, мы перешли сразу к делу, и это сейчас является базовым типом коммуникаций, в которых я участвую: очень быстро, по деловому, достаточно взаимовыгодно, но с дружбой здесь сложновато.

У этих информантов близкие друзья и профессиональные связи разграничены более четко и практически не пересекаются. Коммуникация с близкими друзьями происходит значительно реже, чем с друзьями-коллегами, и носит подчеркнуто личный, не инструментальный характер.

Заключение

Анализ интервью показывает, что характер социальных связей, определяемых исследователями и информантами как дружеские, в выбранном нами сегменте интеллектуальной среды Екатеринбурга отличается размытостью границ, неодинаковым содержанием и разной степенью интенсивности общения, и это не позволяет определить дружбу интеллектуалов как устойчивый и однородный тип отношений. Скорее, мы имеем дело с набором практик навигации в социальном поле, практик сближения и дистанцирования, которые формируют социальное окружение интеллектуалов.

Все информанты воспроизводят центральную для гуманитарных факультетов оппозицию, описанную П. Бурдьё в «Homo Academicus» (Bourdieu, 1988: 74), — оппозицию между полюсом, ориентированным на производство нового культурного или интеллектуального продукта, и полюсом, ориентированным на воспроизводство существующей образовательной и культурной системы. Все информанты дистанцируются от официальных университетских структур, и их работа по выстраиванию социальных связей разворачивается вокруг первого полюса, который вслед за Бурдьё можно назвать автономным полюсом культурного производства. Социальные связи внутри автономного полюса носят горизонтальный характер, т. е. это отношения между более или менее равными социальными акторами, не всегда имеющими институциональную опору. В ситуации слабой институционализации и удаленности от вертикальных иерархических структур именно отношения, основанные на принципе различения, такие как дружба/вражда, симпатия/антипатия, притяжение/отторжение, ложатся в основу профессиональных связей. В этой ситуации важным критерием сближения и дистанцирования становятся не отдельные профессиональные, интеллектуальные или моральные качества, но весь стиль жизни и социальный вкус индивида. Эти критерии не заданы извне, они возникают спонтанно во время социального взаимодействия лицом к лицу и воспринимаются как «естественные».

Рассмотренные дружеско-профессиональные связи в интеллектуальной среде различаются по степени открытости/замкнутости и по степени выраженности инструментальной функции/функции поддержания символических границ. Более закрытые круги друзей тяготеют к тому, что прагматические аспекты дружбы будут вытесняться из дискурса, круг друзей будет выполнять символическую функцию различения и поддержания дистанции с внешними акторами, формально занимающими равные позиции в поле. И наоборот, более открытые дружеские

связи ориентированы на сотрудничество, в них инструментальная функция преобладает над символической.

Солидарность, возникающую внутри дружеского круга или в общении друзей, следует рассматривать как следствие работы практик различения. Такая солидарность порождается во время коммуникации лицом к лицу как результат чувственного распознавания «своего» и взаимного признания и не отсылает к общностям более высокого уровня (класс, гендер, профессия и т. д.). В этом контексте дружба может быть понята как критически, т. е. как исключаящая практика, так и позитивно, т. е. как источник уникального блага, которое носит принципиально индивидуальный характер и не может быть сведено к идее общего блага. Анализ избирательного аспекта дружбы может быть полезен для понимания других типов совместности за пределами интеллектуальной среды, которые не имеют отчетливой идентичности и слабо институционализированы, но тем не менее могут оказывать значительное влияние на поле культурного производства.

Литература

- Аристотель*. (1984). Большая этика / Пер. с древнегреч. Т. А. Миллер // *Аристотель*. Сочинения: в 4-х тт. Т. 4. М.: Мысль. С. 295–374.
- Бурдьё П.* (2005). Различение: социальная критика суждения / Пер. с франц. О. И. Кирчик // *Экономическая социология*. Т. 6. № 3. С. 25–48.
- Вахштайн В. С.* (2015). Салоны и клубы: ответ Михаилу Соколову // *Социология власти*. Т. 27. № 3. С. 69–80.
- Гоффман Э.* (2003). Символы классового статуса / Пер. с англ. В. Г. Николаева // *Логос*. № 4–5. С. 42–53.
- Гудков Л. Д., Дубин Б. В.* (2002). Нужные знакомства: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // *Мониторинг общественного мнения*. Т. 59. № 3. С. 24–39.
- Дубин Б. В.* (2009). Режим разобщения: новые заметки к определению культуры и политики // *Pro et Contra*. Т. 13. № 1. С. 6–19.
- Коллинз Р.* (2002). Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейма. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Круглова Т. А., Неменко Е. П.* (2013). Нравы художественной среды: советский габитус в современной российской культуре и французский опыт сотрудничества художников // *Лихачева Л. С.* (ред.). *Нравы как социально-культурный феномен: проблема модернизации в современной России*. Екатеринбург: Изд-во УрФУ. С. 185–228.
- Сафонова М. А.* (2012). Сетевая структура и идентичность в локальном сообществе социологов // *Социологические исследования*. № 6. С. 107–120.
- Соколов М. М.* (2012). Изучаем локальные академические сообщества // *Социологические исследования*. № 6. С. 76–82.

- Соколов М. М. (2015). Социология как чудо: процесс sense-building в одной академической дисциплине // Социология власти. Т. 27. № 3. С. 13–57.
- Соколов М. М., Тутаев К. Д. (2013). Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. № 19. С. 239–275.
- Филиппов А. Ф. (2011). Мобильность и солидарность. Статья первая // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. С. 4–20.
- Филиппов А. Ф. (2012). Мобильность и солидарность. Статья вторая // Социологическое обозрение. Т. 11. № 1. С. 19–39.
- Хархордин О. В. (ред.). (2009). Дружба: очерки по теории практик. СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Юдин Г. Б. (2010). Иллюзия научного сообщества // Социологическое обозрение. Т. 9. № 3. С. 57–84.
- Шматко Н. А. (2009). «Различение: социальная критика суждения». URL: <http://bourdieu.name/content/razlichenie-socialnaja-kritika-suzhdenija> (дата доступа: 04.09.2016).
- Bourdieu P. (1988). *Homo Academicus*. Stanford: Stanford University Press.
- Carnevali B. (2013). L'esthétique sociale entre philosophie et sciences sociales // Tracés. № 13. P. 29–48.
- Dewald J. (1993). *Aristocratic Experience and the Origins of Modern Culture: France, 1570–1715*. Berkeley: University of California Press.
- Farrell M. (2001). *Collaborative Circles: Friendship Dynamics and Creative Work*. Chicago: University of Chicago Press.
- Sapiro G. (1999). *La Guerre des écrivains (1940–1953)*. Paris: Fayard.
- Sapiro G. (2002). Formes et structures de l'engagement des écrivains communistes en France: de la «drôle de Guerre» à la Guerre froide // Sociétés et représentations. № 15. P. 155–176.

Friendship as a Practice in Distinction (an Example of the Intellectual Milieu of Yekaterinburg)

Ekaterina Nemenko

Assistant Professor, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University

Address: Mira str., 19, Yekaterinburg, Russian Federation 620002

E-mail: hist-nemenko@yandex.ru

The paper examines specific manifestations of friendship relationships in the contemporary Russian intellectual milieu. It aims to re-conceptualize the notion of friendship as a social-aesthetic phenomenon, that is, as an ensemble of practices of distinction guided by social tastes. The goal of this reconceptualization is to separate friendship from a powerful theoretical tradition where it is related to the idea of the common good, social integration, and the public sphere, and to offer an alternative view of friendship as a selective practice. The selective and exclusive

aspects of friendship are not articulated in the discourse, but are widely present at the level of everyday practices. Based on deep semi-structural interviews with a number of intellectuals of Yekaterinburg, such practices as rapprochement/keeping a distance, building and protecting symbolic boundaries, and emotional involvement in communication have been analyzed. Friendship relations in the intellectual milieu differ by the degree of openness/closeness, and by the degree of the instrumentality/symbolic functions. The analysis allows for the questioning of the uncritical usage of the concept of "community" and for replacing it with the model of "web of friends" or "circles of friends", with more or less stable symbolic borders that separate different social styles. The solidarity that emerges during the communication between friends is a result of the sensible recognition of the others, and does not refer to a higher level of communities (such a gender, class, profession, and so on). In this context, friendship can be understood both critically, as an exclusive social practice, and positively, as a unique good that has an antidemocratic nature and can not be reduced to any sort of common good.

Keywords: friendship, habitus, sociology of intellectuals, recognition, solidarity, distinction, social aesthetics, social taste

References

- Aristotle (1984) *Bolshaja etika* [Big Ethics]. *Sochinenija. Tom 4* [Writings, Vol. 4], Moscow: Mysl, pp. 295–374.
- Bourdieu P. (1988) *Homo Academicus*, Stanford: Stanford University Press.
- Bourdieu P. (2004) Razlichenie: socialnaja kritika suzdenija [Distinction: A Social Critique of the Judgement]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 6, no 3, pp. 25–48.
- Carnevali B. (2013) L'esthétique sociale entre philosophie et sciences sociales. *Tracés*, no 13, pp. 29–48.
- Collins R. (2002) *Sociologia filosofij: globalnaja teorija intelektualnogo izmenenija* [Sociology of Philosophies: Global Theory of Intellectual Change], Novosibirsk: Sibirsky khronograf.
- Dewald J. (1993) *Aristocratic Experience and the Origins of Modern Culture: France, 1570–1715*, Berkeley: University of California Press.
- Dubin B. (2009) Regim razobshhenija: novie zametki k opredeleniju kulturi i politiki [Regime of the Disconnection: New Notes on the Definition of Culture and Politics]. *Pro et Contra*, vol. 13, no 1, pp. 6–19.
- Farrell M. (2001) *Collaborative Circles: Friendship Dynamics and Creative Work*, Chicago: University of Chicago Press.
- Filippov A. (2011) Mobilnost i solidarnost. Statja pervaja [Mobility and Solidarity. First Paper]. *Russian Sociological Review*, vol. 10, no 3, pp. 4–20.
- Filippov A. (2012) Mobilnost i solidarnost. Statja vtoraia [Mobility and Solidarity. Second Paper]. *Russian Sociological Review*, vol. 11, no 1, pp. 19–39.
- Goffman E. (2003) Simvoli klassovogo statusa [Symbols of Class Status]. *Logos*, no 4–5, pp. 42–53.
- Gudkov L., Dubin B. (2002) Nuzhnie znakomstva: osobennosti socialnoj organizacii v uslovijah institutsionalnih deficitov [Useful Contacts: Features of the Social Organization under Condition of Institutional Deficiency]. *Monitoring of Public Opinion*, vol. 59, no 3, pp. 24–39.
- Kharkhordin O. (ed.) (2009) *Druzba: ocherki po teorii praktik* [The Friendship: Essays in the Theory of Practices], Saint Petersburg: EUSPb Press.
- Kruglova T., Nemenko E. (2013) Nravi hudozestvennoj sredi: sovetskij gabitus v sovremennoj rossijskoj culture i francuzskij opit sotrudnichestva hudozhnikov [Customs of Artistic Milieu: Soviet Habitus in Contemporary Russian Culture and French Experience of Artists' Cooperation]. *Nravi kak socialno-kulturnij fenomen: problems modernizatsii v sovremennoj Rossii* [Mores as Social-Cultural Phenomenon: The Problem of Modernization in Contemporary Russia] (ed. L. Likhacheva), Yekaterinburg: UrFU Press, pp. 185–228.
- Safonova M. (2012) Setevaja struktura i identichnost v lokalnom soobshhestve sociologov [Network Structure and Identity of the Local Community of Sociologists]. *Sociological Studies*, no 6, pp. 107–120.
- Sapiro G. (1999) *La Guerre des écrivains (1940–1953)*, Paris: Fayard.

- Sapiro G. (2002) Formes et structures de l'engagement des écrivains communistes en France: de la "drôle de Guerre" à la Guerre froide. *Sociétés et représentations*, no 15, pp. 155–176.
- Shmatko N. (2009) "Razlichenie: socialnaja kritika suzdenija" [*Distinction: A Social Critique of the Judgement*]. Available at: <http://bourdieu.name/content/razlichenie-socialnaja-kritika-suzhdenija> (accessed 4 September 2016).
- Sokolov M. (2012) Izuchaem lokalnie akademicheskie soobshhestva [Studying Local Academic Communities]. *Sociological Studies*, no 6, pp. 76–82.
- Sokolov M. (2015) Sociologia kak chudo: process sense-building v odnoj akademicheskoj discipline [Sociology as a Miracle: The Process of Sense-Building in an Academic Discipline]. *Sociology of Power*, vol. 27, no 3, pp. 13–57.
- Sokolov M., Titaev K. (2013) Provincialnaja i tuzemnaja nauka [Provincial and Native Science]. *Anthropological Forum*, no 19, pp. 239–275.
- Vakshtain V. (2015) Saloni i klubi: otvet Mikhailu Sokolovu [Salons and Clubs: A Response to Mikhail Sokolov]. *Sociology of Power*, vol. 27, no 3, pp. 69–80.
- Yudin G. (2010) Illuzia nauchnogo soobshhestva. *Russian Sociological Review*, vol. 9, no 3, pp. 57–84.